

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Орлова Галина Викторовна

**СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИРОНИЧЕСКОЙ
МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(ЖАНР ОБОЗРЕНИЯ)**

Специальность 10.02.01 - Русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Санкт-Петербург
2005

Работа выполнена на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук
Вознесенская Ирина Михайловна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Мартынова Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук
Пушкарева Наталия Викторовна

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита диссертации состоится 20.05.2005 года в 16 часов на заседании диссертационного совета К 212.232.03 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу:
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11, филологический факультет ауд. 240

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан "1" августа 2005г.

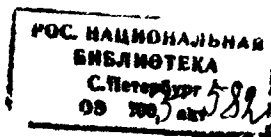
Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т.А.ИВАНОВА

2006-4
8177

2153579

Актуальность исследования обусловлена ориентированностью современной лингвистики на функционирование языка, а также включенностью в антропоцентрическую научную парадигму. Интерес к изучению средств формирования *иронической модальности* как разновидности субъективной модальности в рамках публицистического дискурса несомненен. Прежде всего, это связано с возрастанием интереса к индивидуальному стилю автора, когда субъект выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, при этом стремление к самовыражению играет все большую роль. В то же время успешная реализация публицистикой своих основных функций – информации, воздействия и убеждения – возможна при условии прагматической компетенции автора, то есть «способности говорящего оперировать национально-культурными символами и стереотипами как эталонами «хороших» или «плохих» свойств (аксиологический аспект)» и «представлениями, вызывающими положительные или отрицательные эмоциональные реакции (эмотивный аспект)» (Телия.1991). Под этим подразумевается передача автором языковой картины мира, владение образно-ассоциативными нормами употребления слов, осведомленность о положении дел, о которых идет речь, и как результат – ценностное осмысление факта с позиций категорий общей культуры. Предполагающее формирование индивидуально-личностного компонента модальности текста (Костомаров 1971, Алексеев, Рогова 1982, Лысакова 1989, Лазарева, 1993, Коньков 1995, Чепкина 2001 и др.). Важную роль посредника в диалоге с аудиторией на индивидуально-эмоциональной основе, в тональности, свойственной непринужденному общению, выполняет **медиа-текст** – результат работы журналиста над информационным фактом, сопровождающийся корректировкой материала с позиций авторских интенций, культурных традиций и языковых норм, актуальных в данный период (ср. Сметанина 2002). Но текст, по мнению многих исследователей, пред-

ставляет собой конечный результат **дискурсивной** деятельности, в изучении которой особый интерес представляет своеобразие используемых языковых средств (Демьянков 1982, Каменская 1990, Кубрякова 1996, 2004, Степанов 1995, Стернин 2003, Чепкина 2000, Шейгал 2000 и др.). Выбранный в работе подход к **публицистическому дискурсу** как *совокупности текстов лингвокультурного пространства масс-медиа с комплексом экстралингвистических факторов, необходимых для их интерпретации*, позволяет обратиться к многоаспектному анализу коммуникативной ситуации, определяемой ментальными, социо-этнокультурными и психологическими параметрами, правилами и стратегиями построения речевых высказываний и их восприятия реципиентом. Эффективность коммуникации при этом зависит от соотношения субъективного и общепринятого, имплицитного и эксплицитного компонентов в семантике высказывания (Эффективная коммуникация...2005).

Обращение к изучению **иронической модальности** связано с тем, что **ирония** стала особенным «способом мышления, незаметно возникшим как общая тенденция нашей жизни» (Мюкке 1969), она заняла определенные позиции в обыденной разговорной речи, в литературе и кино, в рекламе и на страницах газет (Земская 1996, Зенкин 1996, Корженкова 2004, Лаптева 1996, Сметанина 2002 и др.). Являясь отличительной чертой постмодернистского менталитета, иронический колорит становится характерным для многих типов текста. Основную функцию иронии – выражение сомнения, отрицательной оценки под видом насмешки, осмеяния, можно назвать наиболее актуальным в настоящее время инструментом критического осмысления действительности, принятом в журналистском дискурсе. **Смысловая двойственность иронии** способствует деканонизации, критическому переосмыслению прошлого. перекодированные элементы используются для создания того нового, что возникает в процессе изменения

общества. Подобная «преемственность» зафиксирована в основном постулате постмодернизма – «**всегда уже**» (Деррида 2000). Иронический текст относится к тому роду текстов, в которых «единицы хорошо знакомого языка получают необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводятся под несколько неожиданные категории» (Чуич 1994), при этом сигналы **иронии** могут содержать разноуровневые элементы коммуникативного контекста и выполнять в тексте определенные **функции**: функцию универсального компенсатора-скептика, противостоящего всякой догматичности, не признающего никаких абсолютистских мировоззренческих постулатов, функцию разрушения ценностей, оказавшихся «несостоятельными перед лицом реальности и переставшими выполнять свою основную функцию – ориентировать личность в мире» (Есин, Касаткина 1994).

Отличительной особенностью национальной коммуникации в России можно назвать усилившуюся апелляцию «к различным феноменам, принадлежащим либо когнитивной базе, либо культурному пространству» (Захаренко, Красных 1998). Поэтому обращение к исследованию механизмов «кодирования» национально детерминированной информации и формирования авторской иронической модальности занимает важное место в заполнении лакун синхронного уровня культурного фона, возникающих вследствие несовпадения знаний участников межкультурной коммуникации, способствует усвоению семиотической системы русского языка (Костомаров, Бурвикова 2001) и оптимизации общения в **аспекте преподавания РКИ**.

Выбор в качестве **материала** для исследования газетных публикаций в жанре *обозрения* обусловлен их ориентированностью на анализ и исследование происходящих событий, тем, что в них традиционно подводятся итоги определенного периода жизни, деятельности в той или иной сфере общественного бытия, позволяющие проследить причинно-следственные

связи отображаемых феноменов, выразить к ним свое отношение, дать оценку. Для жанра *обозрения* характерно «единство наглядного освещения общественных событий и мысли обозревателя, глубоко проникающей в суть процесса, ситуации» (Тертычный 2000). В качестве специализации был выбран обзор *телесобытий*. Авторы – И.Петровская, а также А.Горбунов, М.Гуреев, А.Машкова, И.Свиблов, представляющие «Известия», «Литературную газету», «Культуру», «Общую газету» – авторитетные периодические издания. Ироническая окраска является существенной актуальной составляющей газетных публикаций названного жанра; определенная критическая заданность телеобзоров позволяет исследовать иронию как выражение неодобрительной оценки, сомнения под видом насмешки, отражающей ценностные ориентиры автора и способы воздействия на адресата. Всего было обработано более 120 публицистических текстов, опубликованных в период с 1998 по 2005г., и проанализировано более 2000 примеров речевых реализаций иронии.

Объектом исследования является медиа-текст, маркированный колоритом иронии, в условиях современного публицистического дискурса в совокупности экстралингвистических, прагматических и социокультурных факторов.

Предмет исследования – языковые и речевые средства реализации иронического смысла и формирования иронической модальности газетного текста в жанре обозрения.

Цель работы – выявление механизмов формирования иронической модальности в газетном тексте с учетом особенностей выполняемых функций, направленных на эффективность процесса коммуникации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) уточнить содержание основных понятий – «ирония», «иронический смысл»;
- 2) рассмотреть функциональный и социолингвистический аспекты проявления иронии как особой разновидности оценки в семантике публицистического текста;
- 3) выделить языковые и речевые средства создания иронии, охарактеризовать механизмы формирования иронического смысла в газетном тексте;
- 4) определить и описать процесс реализации иронией ее коммуникативно-прагматических и социально-эстетических функций в тексте;
- 5) показать разнообразие языковых средств, актуализирующих ироническую модальность в пространстве медиа-дискурса.

Методологической основой исследования послужила идея обусловленности реализации иронической модальности особенностями актуализации аксиологической сущности иронии в условиях публицистического дискурса с учетом установок жанра обозрения. Большое значение при разработке методологических оснований настоящего исследования послужили работы отечественных (И.В.Арнольд, М.М.Бахтина, В.В.Виноградова, Т.Г.Винокур, Е.А.Земской, Ю.Н.Караулова, Г.В.Колшанского, В.Г.Костомарова, О.А.Лаптевой, Ю.М.Лотмана, А.А.Масленниковой, С.И.Походни, К.А.Роговой, С.И.Сметаниной, В.Н.Телия, Д.Н.Шмелева и др.) и зарубежных ученых (Р.Барта, Г.Грайса, Т. ван Дейка, А.Вежбицкой, Д.Мюкке, Р.Рорти, Дж.Серла и др.).

В соответствии с целью и задачами в диссертации применялись следующие **методы исследования**: системно-функциональный, структурный, семантический, дистрибутивный, описательный, метод синхронного лингвистического и текстового ассоциативного анализа, а также элементы

стилистического комментирования, словообразовательного, лингвостатистического и компонентного анализа и др.

Научная новизна работы связана с исследованием языковых и речевых механизмов создания иронической модальности с учетом того, что ирония рассматривается как текстообразующий фактор газетного жанра, а ее коммуникативный аспект характеризуется формированием *коннотативной ассоциативности*, возникающей при интерференции имплицитных смыслов, знаковых образов и понятий и аксиологической сущности иронии, а также *временным контекстом дискурса*.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что она включена в круг работ по теоретической разработке смысловой структуры текста, при этом уточняются понятия *иронии*, *иронического смысла*, *иронической модальности*, расширяются представления об имплицитной природе иронической оценки, дается более полное представление о ее сущностных характеристиках и особенностях функционирования в публицистическом дискурсе.

Практическая значимость настоящей работы связана с возможностью использования ее результатов в практике преподавания современного русского языка как в русскоязычной, так и в иностранной аудитории, что послужит расширению языковой и культурной компетенции студентов, так как способствует презентации механизмов иронического «кодирования» речи и отражает многообразие стереотипов и особенностей русского менталитета.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. *Ирония* представляет собой *прагмалингвистический феномен*, состоящий в непрямом языковом выражении говорящим негативного отношения к предмету речи, иначе говоря, ирония – явление изначально прагматически

обусловленное, имеющее в своей основе разнообразную палитру оценок и эмоций, направленное на партнера по коммуникации с целью определенным образом воздействовать на его представления об окружающем мире и вызвать отклик (положительный или отрицательный) с его стороны.

2. Особенности функционирования иронии в условиях публицистического дискурса мотивируют специфику языковых и речевых средств создания иронического смысла и иронической модальности лишь при условии взаимодействия всех составляющих в структуре текста как единого целого. Понятия «микрконтекст», «мегаконтекст» как структурные компоненты при этом интегрируются: все элементы получают свою значимость в семантическом пространстве всего текста в совокупности с экстралингвистическими факторами.

3. Определенный жанр текста – *обозрение*, а также современные тенденции освоения новых аксиологических, парадигматических и синтагматических связей, объективируемых в тексте, обуславливают рассмотрение иронии не только как средства, но и как цели произведения, что определяет представление средств создания иронии в *ключевых элементах композиции* (сильных позициях), а также их конвергенцию и конденсированное употребление.

4. Активное использование прецедентных текстов и имен в качестве национально-культурных стереотипов при создании иронии обусловлено современными общественными процессами переоценки идеологических ценностей, что объективно связано с *аксиологической сущностью иронии*. Этим же объясняется и продуктивность словообразовательных, лексико-семантических трансформаций языковых единиц, маркирующих текст колоритом иронии.

5. В основе языковых и речевых механизмов создания иронического смысла лежит *коннотативная ассоциативность*, которая возникает при интерфе-

ренции имплицитных смыслов, знаковых образов и понятий Ирония в публицистике по-своему исторична (в отличие от текстов художественной литературы): характер иронии в публицистике обусловлен *актуализацией временного контекста дискурса*.

б. Ирония в пространстве медиа-дискурса выполняет функции, поддерживающие его *коммуникативные задачи*.

Апробация работы: основные положения и результаты исследования обсуждались на XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете в 1998 году, а также на аспирантских семинарах в СПбГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех научно-исследовательских глав, Заключения, списка использованной литературы и словарей (199), списка принятых в работе сокращений, списка используемых газетных материалов (127). Общий объем диссертационного исследования составляет 176 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формируются цели и задачи работы, указываются используемые методы и языковой материал исследования, формулируется новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, описывается структура диссертации.

В **первой главе «Ироническая модальность и публицистический дискурс как сфера ее функционирования»** представлены основные теоретические положения работы, описаны принципы исследования и классификации разноуровневых элементов создания иронической модальности.

В разделе 1.1 «Место иронии в общей парадигме категорий комического» ирония рассматривается в рамках сложившейся эстетической системы. Особое внимание уделяется трактовке иронии в условиях постмодернистской культуры.

Многие исследователи полагают, что в XX веке ирония столь существенно расширила свое действие за пределы комического, что вышла на уровень самостоятельной значимой категории. Этому способствовали предельно обострившиеся противоречия в культуре и цивилизации в целом, выявившие глобальную кризисность современного этапа жизни человеческого общества при одновременной переоценке всех ценностей культуры, начавшейся в последней трети XIX века (Борев 2005, Бычков 2002).

Раздел 1.2 «Основные тенденции исследования иронии в современной лингвистике» посвящен рассмотрению основных направлений в лингвистическом исследовании иронии. Прежде всего, это понимание иронии как стилистического приема, основанного на антифразисных отношениях: «Ирония – стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове проявляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношениях противоположности (противоречивости)» (Гальперин 1986). Такая точка зрения поддержана в трудах И.В.Арнольд (1966), О.С.Ахмановой (1969), Н.К.Салиховой (1976) и др., где ирония понимается как «форма насмешки или иносказания», интерес исследователей обращен, главным образом, к «ироническому словоупотреблению», а также представлены попытки классификации лексических средств реализации иронии.

В результате изучения различных подходов к трактовке иронии в работе принято ее понимание как сложной философско-эстетической категории, которая служит раскрытию ценностного смысла предметов и явлений окружающего мира, что позволяет рассматривать ее как форму

мировосприятия, как элемент авторского мировоззрения и, следовательно, как текстовую категорию, индуцирующую в тексте имплицитные смыслы, которые связаны с намерением автора оценивать явления действительности (См.: Ермакова 1997, Лазарева 1999, Максименко 1983, Николина 1979, Походня 1988, Сергиенко 1995, Фомичева 1992 и др.). Зарубежные исследователи и раньше упоминали о наличии «лейтмотивной иронии» (*leit-motiv irony*, Muecke, 1969), пытались рассмотреть иронию как «способ организации дискурса» (*mode de discours*, Allemann 1978).

Теоретическую значимость в определении научных основ работы имеют выводы исследователей об особом месте иронии в идейно-образной канве произведения, о существовании сложных текстовых форм иронии, о наличии **иронического смысла** как «сложных корреляций семантики слов со всей текстовой ситуацией в целом» (Походня 1988). Введение понятия *иронический смысл* позволяет выйти за рамки узкого понимания иронии как стилистического приема и открывает возможность более глубокого анализа текстового материала, характеризующегося градуальным приращением имплицитной информации. Ирония такого типа рассматривается как часть идиостиля писателя/автора, компонент его мировоззренческой позиции (Богданова 2001, Варзонин 1990, Желтухина 2000, Касаткина 1993, Лазарева, 1999, Походня, 1988, Сергиенко 1995, Снигирев 2000 и др.). Использование в работе понятия *иронический смысл* создает необходимость обращения к такому его важному аспекту, как **имплицитность** (раздел 1.2.1), в основе которой лежит несоответствие между планом выражения и планом содержания языкового знака. Обращение к **прагматической природе** иронии (раздел 1.2.2) стало возможным после анализа некоторых современных концепций иронии (Г.Грайс 1975, 1978, Дж.Лич 1983, Д.Спербер, Д.Вилсон 1991, Г.Кларк, Р.Герриг 1984 и др.). С позиций прагматики, которая включила в рассмотрение эмоции и всевозможные оценки, входящие в

содержание речи, ориентированной на конкретного партнера (Колшанский 1975), в работе **ирония** характеризуется как явление изначально прагматически обусловленное, имеющее в своей основе разнообразную палитру оценок и эмоций, направленное на партнера по коммуникации с целью определенным образом воздействовать на его представления об окружающем мире и вызвать отклик с его стороны.

С позиций **языковой игры** (раздел 1.2.3) как особого неканонического употребления языка, «которое вызывает возникновение второго плана, резко контрастирующего с первым» (Санников 1999), ирония рассматривается как отход от определенных правил, она вносит в коммуникацию оттенок условности, ассоциативности, формирующий у адресата необходимые автору «смысловые обертоны». Языковая игра в современном российском публицистическом дискурсе – это возможность в тонкой, доступной форме раскрыть общественные противоречия с современных ценностных позиций (Захарова 2004, Мокиенко 2003). При этом использование игровых ситуаций непременно вовлекает факты языка в игровой круг. Например, автор так комментирует рейтинговый проигрыш «Первого канала» каналу «Россия» в публикации «Деда Мороза отправили в Индию. Нашли время и место!» (обзор новогодних передач на телевидении, Известия 14 01 05): «Первый канал» из *семейного*, каким он себя одно время позиционировал, окончательно превратился в *семейственный*. Даже в новогодних заставках между программами сняли *семьи* своих «звезд», уведомив зрителей «Новый год – *семейный* праздник» Ну, вот и надоела зрителям эта *большая и дружная семейка*, в которой они, видать, ощутили себя *бедными племянниками*, пошли к другому *очагу*, да там и *задержались*» (Известия, 14 01 05) Обыгрывание звуковой близости слов *семейный* (относящийся к семье, связанный с жизнью в семье, СРЯ, т IV, 74) и *семейственный* (неодобр характеризующийся семейственностью, СРЯ т IV, 74) изначально вносит в текст сему неодобрительной оценки (обозначенную в словарной статье), доминанта которой усиливается при реализации приемов лексического

повтора (семьи семейный. семейка) и тождественного повтора (очаг традиционно ассоциируется с домом, семьей), а также приема контраста (дружная семейка – бедные племянники), имеющего еще и интертекстуальное происхождение (отсылка к сказке «Кошкин дом»), которое поддержано в тексте стилизованной сказочной концовкой. Очевидная включенность текста в семиотику культуры (фольклор), игра с семантикой слов, с их ассоциативностью способствуют возникновению сложных ассоциативных параллелей, сформированных взаимопересекающимися коннотативными значениями (явление, определяемое в работе как *коннотативная ассоциативность*), и актуализируют авторскую иронично-оценочную модальность.

При описании **особенностей формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (раздел 1.3)** особое внимание уделяется взаимосвязи между авторизацией современного журналистского дискурса, его ориентированностью на развитие аналитических жанров (**раздел 1.3.1**) и важнейшими коммуникативными категориями текста *цельностью, связностью, модальностью (раздел 1.3)*, необходимыми для выполнения воздействующей функции в контексте массовой коммуникации и позволяющими автору так организовать свою речь (текст), чтобы добиться максимально возможного вовлечения когнитивного и эмоционального компонентов сознания адресата (Н.Арутюнова, Е.Зарецкая, Ю.Рожественский, Т.Шмелева и др.). Категорией, дополняющей категории связности и цельности в рамках одного текста, является **модальность**, дающая возможность восприятия представленного в нем мира как «увиденного глазами автора» (Кухаренко 1979) Вслед за В.В.Виноградовым (1950), модальность в работе определяется как выражение отношения говорящего к действительности, его отношения к содержанию речи, собеседнику, себе самому. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие **оценки (раздел 1.3.3)** – «один из видов модальностей, которые накладыва-

ются на дескриптивное содержание языкового выражения» (Вольф 1985) В работе вводится понятие **иронической модальности**, *категории, выражающей оценочно-ироничное отношение автора к описываемым событиям с определенных эстетических и этических позиций с помощью равноуровневых экспликаторов модальности, актуализирующих скрытую смысловую множественность высказывания. Каждое отдельное высказывание, в свою очередь, входит в цепочку формируя особую модальную рамку текста – иронический подтекст* Подобный подход к пониманию иронии дает возможность наблюдения за механизмом ее создания на всех уровнях, включая текстовый, и таким образом «послужит мостиком, переброшенным от предложения к высказыванию, к тексту» (Гальперин 1981).

Ключевым моментом современного оформления коммуникации можно назвать использование постмодернистской мозаичной, фрагментарной стилистики, оказывающей идеологическое и эстетическое воздействие на лингвопрагматические установки автора, обусловленные полиадресатностью публицистического дискурса, необходимостью следования языковому вкусу эпохи, поиском собственных, неординарных средств и способов выражения личностных намерений (раздел 1.3.4). Ирония, в основе которой лежит создание двойного смысла, как компонент авторской мировоззренческой позиции в рамках публицистического дискурса выполняет свою основную функцию – выражение сомнения под видом насмешки, осмеяния, способствует обогащению смысловой вариантности текста при его восприятии адресатом, «помогает совершать трудную работу избавления от страхов, предрассудков, стереотипов, от нерассуждающего доверия к чьему бы то ни было слову» (Порти 1997) (раздел 1.3.5.).

Во второй главе «Языковые механизмы формирования иронического смысла в тексте» рассматривается реализация иронии при помощи равноуровневых средств языка. Слово как основополагающий элемент в

сфере общения выступает в качестве строительного материала для создания новых словоформ, соединяющих в себе потребность социума в обновлении языковых ресурсов в связи с изменением окружающего мира и целенаправленных манипуляций автора, расширяющих смысловые границы слова. Рассмотрение формирования иронии на лексико-семантическом уровне (раздел 2.1) позволяет говорить о нарушении привычной сочетаемости слов, например: (заголовок) «Праздник «ТЭФИ» в террариуме единомышленников» (Известия, 01 02 03) «Представляете, как обидно, стоя на сцене и прижимая к груди вождя деленного «Орфея», знать, что испытывает и что шипит сквозь приклеенную к лицу протокольную улыбку сообщество – террариум единомышленников». « сколько бы бронзовых статуэток (ТЭФИ) ни ушло к залятым друзьям, церемония транслируется практически без купюр» В словосочетаниях *террариум единомышленников* и *залятые друзья* преодоление границ смысловой сочетаемости происходит за счет разрушения привычных логических и ассоциативных связей (*террариум* > змей, *залятый* > враг). Эти своего рода «семантические следы» необходимы автору для усиления имплицитной оценки и формирования иронического подтекста (раздел 2.1.1). Активное привлечение фразеологизмов в тексты публикаций (раздел 2.1.2) объясняется их способностью быть средством выражения оценки и обусловлено такими их лингвистическими признаками, как образность и экспрессивность. например: «Но вожакам КПРФ *палец в рот не клади* Они за десять лет в политике и демагогии *не одну собаку съели* И наскоки молодых ведущих - матерому Зюганову *что семечки щелкать* Словом, *не по зубам* оказался ведущим программы «Страна и мир» опытный партийный пропагандист» (Известия, 22 02 03) Интересный авторский прием, позволяющий совместить в одном абзаце целый каскад фразеологизмов. В трансформированной идиоме *не одну собаку съели*, созданной за счет добавления уточняющего словосочетания *не одну*, достигается эффект не только усиления значения, но и оживления семантики слова *собака*, ассоциирующегося с журналистами, атакующими В.Зюганова. В контексте со словами *собака*, *щелкать*, *зубы* эпитет *матерый* вызывает ассоциацию со словом *волк* Соз-

данный в результате образный ряд вынуждает адресата интерпретировать элементы, служащие маркерами и позволяющими угадать истинный смысл высказывания. Интеграция ассоциативных связей текста и фразеологизмов дает возможность проявиться авторской иронии, выраженной в субъективно – оценочной подтекстовой модальности. Как следование продуманной авторской стратегии, ведущей к нарушению линейности текста, созданию многомерного смыслового пространства, формированию новых, ярких коннотаций, которые как стилистически маркированные языковые воплощения отношения субъекта к реалиям жизни создают экспрессивно-оценочный эффект, являются приемы использования полисемантики (раздел 2.1.3), перифрастической номинации (*орденоносная примадонна (об А Пугачевой), наш главный мушкетер (о М Боярском)*) (раздел 2.1.5) и антифразиса, когда при трансформации семантики позитивного содержания высказывания возникает имплицитная текстовая антонимия, позволяющая адресату угадать скрытый негативный смысл, диктуемый прагматической установкой автора: «*Авангардист и новатор, сделавший ставку на ширпотреб, - еще одно творческое «достижение» юбиляра, заставившего или убедившего многих (не одного Эрнста) наступить на горло собственной песне*» (Известия, 08 04 2000) – о качестве работы К.Эрнста на «Первом канале». Автор дважды фокусирует внимание адресата на выделенном слове. Первый раз – выбирая слово с положительной семантикой из антонимической пары (ср.: *достижение – провал, неудача*). Далее отрицательная коннотация поддерживается кавычками, которые указывают на смысл, противоположный прямому, так как кавычки – это «знак своей непричастности данному слову или соединению слов. Подчеркнутая чуждость общепринятому толкованию» (Шмелева, 1983; 72). Возникающая в итоге ирония способствует реализации коммуникативных задач текста, эксплицируя иронический смысл авторских оценок (раздел 2.1.4).

Активное вовлечение в текст иноязычных элементов, их трансформация (*реалитимания, телешоу, само-PR, отпиарить себя*) и нестандартное использование, актуализирующее формирование новых смысловых оттенков, расширяют коммуникативные и познавательные возможности текста, вовлекая читателей в диалог культур. Например: «Николай Сванидзе *разразился* в последнем «Зеркале» двенадцатиминутным *сичем*, в котором навесил всем и каждому» (ОГ, 12-18 04 01) Текстовая фраза, уже эмоционально окрашенная за счет семантического наполнения, получает дополнительный оценочный компонент, созданный трансформацией устойчивого словосочетания *разразиться бранью* путем замены русского слова *речь* на английское *сич*. При этом слово *сич* приобретает в тексте форму мужского рода (по формальному признаку). Возникающий в результате эффект иронии расширяет семантические и стилистические рамки фразы, иноязычный элемент становится маркером иронической портретизации персонажа. Использование нового существительного, образованного от иноязычной аббревиатуры PR – *пиар*, в качестве основы для создания глагола *отпиарить* ((заголовок) «Пиар для офиса и дома» «Партийцы *отпиарили* себя по полной программе, в лучшее эфирное время да наверняка бесплатно» (Известия, 22 02 03)) способствует углублению негативной оценочности, поддерживаемой различными ассоциативными рядами текста (прием повтора) (*пиариться, пиаровская акция, PR-мероприятие*), интеграция которых, в свою очередь, делает возможным актуализацию иронического «модального качества мысли» (Ларин 1974).

Разнообразные словообразовательные варианты способствуют возникновению авторских окказионализмов (*аллениана, региновые, оскарносец, выводилец*), оживлению номинативной системы языка, расширению оценочной базы, когда производное слово в компрессивной форме обновляет прежний смысл, делая его более экспрессивным, внося тем самым элементы иронии в текст (разделы 2.2, 2.3).

Вводные конструкции, вставки («Зрители в студии и впрямь «тремчат» – хочут, свистят и бьют в ладоши По всему видать, Верка – любимица (или любимец?) публики» (Известия, 14 03 98) – о программе «СВ-шоу» на канале РТР) позволяют автору актуализировать избранный отрезок высказывания при помощи скобок (или тире), привлекая к ним внимание адресата, побуждая его к конкретным интеллектуальным действиям, к необходимому для автора прочтению и восприятию информации. Использование других семантико-синтаксических конструкций (парцеллятов, перечислений) также дает возможность аранжировать текст в соответствии с заданной автором интонацией – восклицательной или вопросительной, поддерживающей иронический смысл высказывания («Два медведя в одной берлоге Уживутся ли?» (Известия 24 05 03) – об аналогичных программах Л Парфенова и А Герасимова на канале НТВ) (раздел 2.4). Несомненный интерес представляют и другие средства формирования иронии, такие как многоточие, графические выделения: «Ну, и, наконец, главный рекламный слоган сезона, который по очереди выкрикивают звезды НТВ «Вы смотрите *НОВОЕ ТЕЛЕ-ВИДЕНИЕ!*» Вместе с тем рекламный слоган не обманывает это действительно *НОВОЕ* телевидение по сравнению с тем, что несколько лет существовало на четвертой кнопке» (ОГ, №39, 2001) Графическое оформление слова маркирует цитирование (рекламный слоган НТВ) и иронично-негативную оценку автора. За счет фоновых знаний устанавливаются контекстуально-смысловые отношения между элементами текста. Так, наречие *действительно* оказывается маркером иронического смысла слова *новое*, а графическое выделение этого слова наполняет фразу еще большей экспрессией за счет приращения смысла (раздел 2.5).

Наблюдения показали, что ирония, присущая современным медиатекстам, в достаточной степени *исторична*, то есть связана с определенным этапом в жизни общества. Включенность мифологических, исторических, политических и социо-культурных прецедентов (имен и ситуаций) в канву текста определяется прагматической заданностью и социальной предназна-

ченностью «особой ментальности» публицистического дискурса. Введение понятия *историчности* иронии в пространстве современного публицистического дискурса, обусловленного особенностями функционирования самого дискурса и стереотипами мышления в данный исторический период жизни общества, представляется важным моментом в последовательной цепи рассуждений о феномене иронии.

Лингвистическое и лингвокультурологическое исследование новых словоформ, смыслов, интонаций текста предполагает выход за границы его линейной организации, обращение к вертикальному контексту, что требует пропозиционных и фоновых знаний, адекватных тем, которые предполагает у своего читателя (а исследователь тоже читатель) автор. Только при «наложении» когнитивных полей адресата и адресанта возможна успешная коммуникация.

Эти особенности подробно рассматриваются в **третьей главе «Текстовые средства актуализации иронической модальности»**. Особое внимание уделяется определению положения *интертекстуальности* в общей иерархии средств текстообразования с позиций постмодернистской культуры, в которой само слово *текст* становится культовым. Жизнь общества представляется как огромный, непрерывный текст, дискурс, в котором все уже когда-то было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа – смешения отдельных элементов, дающих новые комбинации и интерпретации. Поэтому первой характерной особенностью текстов постмодернизм называет **цитатность** – как постоянный возврат к прошлому, уже когда-то состоявшемуся и имеющемуся в *архиве* текста (Фуко 1996). С *цитатностью* текста и мышления связана **интертекстуальность** – основополагающее понятие постмодернистской эстетики, под которым в работе (вслед за И. В. Арнольд) понимается «включение в текст целых других тек-

стов с иным субъектом речи. либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» (Арнольд 1992) (раздел 3.1).

Изучение готовых знаков «чужих» текстов с их уже сложившейся смысловой и языковой оформленностью – **прецедентных феноменов** (или текстов в пространстве принимающего текста) представляет несомненный интерес в рамках данной работы. Наиболее глубокую разработку явление прецедентности получило в трудах И.В.Арнольд, Ю.Н.Караулова, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова, И.В.Захаренко и др. К числу прецедентных феноменов исследователи относят **прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя, прецедентное высказывание** (Захаренко и др., 1997, Красных и др., 1997). Все перечисленные прецедентные феномены широко представлены в контексте рассматриваемой проблемы, участвуя в формировании оригинальной иронической модальности текста путем соединения ассоциативных рядов и контекстуальных смыслов, например: «Сводить оппонентов в одном помещении, как показал прежний телевизионный опыт, небезопасно *нужно заранее убирать из студии стаканы, воду, колющие и режущие предметы* – как бы чего не вышло» (Известия, 18 04 98) Обозначенная прецедентная ситуация связана с фоновыми знаниями экстралингвистического характера (поведение депутата В.Жириновского на теледебатах), которые позволяют верно декодировать скрытый смысл, актуализующий ироничность фразы. Обращение к литературной аллюзии (А.С.Грибоедов «Горе от ума») («Теперь вы поняли, почему программу «Намедни» смотреть интересно? Она живая. и ее создатели, сочиняя комментарии и снимая сюжеты, думают о том, как удовлетворить самые разные запросы самых разных зрителей, а не о том, *что будет завтра говорить княгиня Марья Алексеевна*» - (ОГ, №15, 2001)) позволяет сохранить в высказывании аксиологический аспект текста - источника, его изначальную иронию, которая при переносе из XIX века в современность насыщается новыми смысловыми оттенками, актуализируя ироническую модальность текста (раздел 3.1.1).

Важным моментом привлечения прецедентных единиц в пространство текста является то, что структурные изменения в цитате (замена одного, двух и более слов), имеющие целью определенные авторские прагматические установки, неизменно ведут к обновлению смысла прецедентного текста или высказывания, обогащают создаваемый текст экспрессией текста-источника, разнообразят оценочную модальность текста формированием скрытой иронии: «Причины же своего желания уйти в отставку Чубайс обозначил примерно так президенту на выборах помог, потом его в болезни поддержал, потом отмылся от книжного скандала, отбил атаку олигархов – словом, *Чубайс свое дело сделал, можно и уходить*» (Известия, 04 04 98) Включение имени современного политика в прецедентный текст так выстраивает ассоциативный ряд, что способствует расширению образных рамок высказывания, появлению новой смысловой составляющей. Несовпадение поэтического стиля текста-источника (трагедия У.Шекспира) и прозаичности происходящего (снятие А.Чубайса с поста премьер-министра) поддерживает формирование иронической модальности текста и усиливает эстетическую функцию фразы в тексте. А также ср «Накануне больших майских торжеств *все смешалось в отечественном телевизионном доме*, сделав еще более очевидной абсолютную хаотичность программной политики большинства наших федеральных ТВ-каналов» (Культура. № 16, 2005). Отсылка к известной толстовской фразе из романа «Анна Каренина», ее трансформация, способствующая конкретизации ситуации и созданию образности – *отечественный телевизионный дом*, формируют ассоциативную параллель с шумным, беспокойным домом Облонских, внося оттенок ироничности в современный текст (раздел 3.1.2) Иронический смысл высказывания может быть поддержан элементами других дискурсов (религиозного, артистического, бытового), которые также служат экспликаторами ироничной модальности (раздел 3.1.4).

Обращение автора к прецедентным текстам как важнейшим и полноценным носителям культурной и лингвострановедческой информации, как

неотъемлемому компоненту речевого общения является элементом общей культуры личности, предопределяя зависимость смыслового объема высказывания от фоновых знаний адресата

К субъективным лингвистическим факторам текстообразования, определяющим разные способы представления информации, пути и средства воздействия на адресата, усиливающим прагматический эффект текста, относятся такие типы выдвижения как **повтор (раздел 3.2)** и использование **сильных позиций текста** – заголовка и концовки: заголовок «*ТВ не пахнет?*» (Известия, 31 07 04)– оформление прецедентной фразы в виде вопросительного предложения Ассоциативность, заданная заголовком, поддерживается в тексте размышлением о популярности игр на деньги на телевидении; концовка «Да, телевидение, конечно, великий манипулятор зрительскими умами и имитатор реальной жизни Но временами и до уровня примитивного лохотрона не гнушается опускаться *А кому ж из зрителей понравится не только в жизни, но и в общении с любимым «ящиком» ощущать себя лохом?*» (ОГ, 24 04 02). Риторический вопрос, предполагающий отрицательный ответ и продолжение дискуссии, является сигналом открытой сильной позиции и маркером иронии.

Функции иронии в газетном тексте нельзя определить однозначно как выражение отрицательной авторской оценки, они гораздо глубже и сложнее: это и общая гармонизация текста, подчинение ее заданной цели; развитие образной системы текста (глубже – дискурса). В единстве с авторской системой ценностей ирония в форме насмешки или сомнения характеризует те или иные ситуации, события, поступки героев, их речь; оказывает эмоциональное воздействие на адресата, привлекая его внимание к проблеме; индуцирует и аргументирует авторскую мировоззренческую позицию, используя неоднозначность создаваемых смыслов; снижает официальность сообщения, сокращая коммуникативную дистанцию;

воспитывает эстетический вкус читателя, обращаясь к культурным и историческим традициям социума.

В Заключении формулируются основные выводы и намечаются направления дальнейших исследований.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Ирония в газетном тексте и ее интерпретация в иностранной аудитории // *Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 9, серия РКИ, часть I.* СПб., 1998. с. 9 – 12.
2. Некоторые характерные средства построения иронии в языке газеты // *Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц.* Краснодар, 1998. с. 57 – 62.
3. Повтор как способ создания иронического смысла // *Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц.* Краснодар, 2003. с. 101 – 106.
4. Трансформация прецедентных единиц как средство создания иронии // *Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц.* Краснодар, 2005. с. 98 – 105.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

Подписано в печать 29.06.2005 г.

Формат 60 x 84 1/16.

Объем 1,5 п.л.

Тираж 100 экз.

Заказ № 7/11

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»
199053, Санкт-Петербург, В.О. 1-ая линия, д. 28.
Тел.: (812) 327-46-13

№ 1 4 5 2 8

РНБ Русский фонд

2006-4

8177

Из фондов Российской национальной библиотеки